

По закону совести

Два судебных процесса за короткий срок по делу руководителей Академического театра имени Ф. Волкова в Ярославле потрясли и актеров, и зрителей. За всю историю прославленного театрального дома не было столь позорного факта в его биографии. Долгое время местные газеты и радио не давали информации, слухами и пересудами жили горожане, да и сами артисты не знали сути происходящего. Секретарь партийного бюро артист В. Стужев на собрании коммунистов, где стоял вопрос об исключении из партии подкудного директора театра Юшкова, заявил, что тот оклеветан и еще, дескать, придется его восстанавливать в правах члена КПСС.

Партбюро направило в суд блестящую характеристику на руководителя театра, выделило общественных защитников. Юшков был арестован еще первого апреля прошлого года, но несколько месяцев до вынесения приговора областного суда его фамилия демонстративно не исключалась из списка членов партбюро, вывешенного на всеобщее обозрение в здании театра. Тем самым как бы выражалась солидарность с директором — обвиняемым Юшковым.

Приговором Ярославского областного суда бывший директор Ярославского академического театра им. Ф. Волкова Юшков осужден с конфискацией имущества, возмещением государству нанесенного ущерба в несколько тысяч рублей. Взятки, спекуляция квартирами, использование служебного положения в корыстных целях, подлог... Вот что, оказывается, скрывал за душой внешне respectable, с виду вполне порядочный человек,

к которому был доверен один из прославленных русских театров.

Удар по престижу театра, что и говорить, был нанесен жестокий. И в самый ответственный момент, когда волковцы готовились к летним гастролям в Москве, в Москву! В Москву! — рвались сердца актеров. Столь близкая — всего-то несколько часов езды на фирменном поезде, — она более 20 лет оставалась недосягаемой для академического театра. Последний раз он бывал в столице в 1963 году.

Главная причина заключалась в том, что театр, заслуженно удостоенный в свое время почетного звания академического, с годами растерял свои художественные достоинства. О нем мало говорили и совсем не спорили, подставки его обычно не вызывали интереса театральной общественности.

Дом Волкова стал напоминать как бы музейный объект Ярославля наряду с памятниками старины, кремлем, торговыми рядами. Сам не однажды наблюдал, как туристы водили вокруг здания, бегло знакомясь с биографией кадета петербургского Шляхетного корпуса Федора Волкова, но не приглашали гостей посетить спектакли театра, стеснялись пустующих лож и кресел на вечерних спектаклях. Не хватало только музейной таблички на здании: «Руками не трогать».

Лихое время прошло, коллентив стал выходить на новые творческие рубежи. Театральный сезон 1985/86 г. был насыщенным. Один за другим выходили спектакли, посвященные XXVII съезду партии. В афише тех дней — «Винюваты» А. Арбузова (режис-

сер Л. Титов), «Серебряная свадьба» А. Мишарина (режиссер В. Рыжий), «Спасение» А. Салынского (режиссер А. Вилькин), пользовался успехом спектакль «Рождает птица птицу» Э. Пашнева и Г. Дроздова в постановке главного режиссера... Г. Дроздова.

Уже были отпечатаны афиши, заказаны гостиницы. Но праздник не состоялся.

Откуда же москвичам было знать, что там, в Ярославле, над театром нависла темная туча... Не успела еще труппа прийти в себя от потрясения, связанного с осуждением директора, как всплыло на поверхность другое неприятное обстоятельство: по иску прокурора области в Кировском народном суде слушалось гражданское дело главного режиссера Г. Дроздова по поводу незаконного обогащения. Он продал автомобиль марки «Волга» М-24, перебрав с покупателя солидную сумму. Суд постановил взыскать эти деньги как нетрудовые доходы. На суде, а затем на партийном собрании Г. Дроздов всячески оправдывался, не признавая своей вины. И тогда коммунисты напомнили ему еще о четырех «Волгах», перепроданных ранее в Воронеже. И тут уж сказать режиссеру было нечего...

Нас интересует не столько криминальная сторона этой неприглядной истории, сколько ее нравственный аспект. Одним из свидетелей на суде выступал секретарь партбюро актер В. Стужев. Он, как и в деле бывшего директора театра Юшкова, снова безосновательно защищал теперь уже Дроздова, да так рьяно, что судья был вынужден заметить следующее: как коммунист Стужев обязан

был помогать следствию установить истину, как секретарь партбюро — вдвойне, а он своим поведением мешал поиску истины.

О беспринципной позиции партийного бюро в сложной морально-психологической атмосфере коллектива я скажу чуточку попозже. Пока же напомним, что главным режиссером в Ярославле Г. Дроздов стал в 1983 году, скрыв от коммунистов строгий выговор с занесением в учетную карточку, полученный им ранее в Воронеже за неблаговидные дела. Теперь, после суда, он ушел из театра «по собственному желанию» с 1 октября в день сбора труппы.

В нашей беседе в Ярославском обком партии Дроздов мне прямо сказал, что принял «мертвый театр», который с прежним составом труппы был ни на что не способен, пытался его обновить, перестроить, вдохнуть второе дыхание, вывести на современный уровень театральной культуры: да вот не дали ему такой возможности, часть труппы-де стала в оппозицию, взбаламутила коллектив. Всю вину он пытался перенести на актеров.

О взаимоотношениях главрежа с труппой на собрании коллектива минувшим летом народный артист РСФСР Ф. Раздьяонов высказался откровенно:

— За 30 лет моей работы всякое бывало, но чтобы актеры не здоровались друг с другом... Почему театр распался на группы? Глеб Борисович не любит критики, все решает самолитчно. Дроздов соррил артистов между собой, и мы «расчеловечились»...

Большой резонанс вызвала в театре аналитическая ста-

тья театрального критика и искусствоведа Маргариты Ваняшовой «Цена очищения», опубликованная в газете «Северный рабочий». Выступление было воспринято с благодарностью, как урок правды, большинством актеров. О чем же шла речь? Прежде всего об отношении к критике руководства «Дома Волкова». Доброжелательную критику руководители театра воспринимали и прежде как нападки, раздавались телефонные звонки в вышестоящие органы; на собраниях, совещаниях самого высокого уровня главный режиссер подчеркивал, что местная критика якобы отвергает театр, давая ему негативные оценки. Нельзя, дескать, отпугивать зрителя, нужно звать его в театр.

Чем же звал в театр главный режиссер? По оценке автора статьи в «Северном рабочем», новые спектакли ставились тем, чем никогда на волковской сцене не были, — они превратились в «товар». Шлягерно-развлекательная сторона, спекуляция на злободневности, актуальности тематики — и низкое литературное начало — такова была «линия» главного режиссера. Конечно, далеко не все актеры шли на такой эстетический компромисс. И тогда им выражалось открытое презрение.

Мне довелось побывать на обсуждении этой статьи в театре. Собралась почему-то лишь профгруппа творческого цеха вместо партийного или общего собрания коллектива. (Партийное бюро выступление газеты не обсуждало, хотя со дня публикации тогда минуло более полтора месяцев). Критика была признана правильной, и лишь один человек выступал против такого признания. В кон-

це шумного, неуправляемого собрания он потребовал, чтобы его фамилия вообще не упоминалась в протоколах. Его — нет, его — не было, он — не присутствовал! А слово ему предоставляли, и он зачитал «опровержение» в газету «Северный рабочий» на 13 печатных страницах. Это был опять тот же самый В. Стужев.

Партийное бюро не смогло в свое время принципиально оценить поведение главного режиссера. На партийном собрании, где после суда разбирались персональное дело коммуниста Г. Дроздова, большинством голосов ему вынесли выговор. То ли пожалели, то ли смалодушничали? Непонятный либерализм. Бюро Кировского района дало более жесткую партийную оценку — объявило Г. Дроздову строгий выговор с занесением в учетную карточку: за создание нездоровой обстановки в коллективе театра и необоснованное обогащение. Выговор получил и секретарь партбюро В. Стужев.

Надо сказать, что и Ярославский обком партии, и Кировский райком КПСС долгое время поддерживали и опекали Г. Дроздова, не давая его, что называется, в обиду, считая творчески перспективным режиссером. А вот, по мнению юристов, детально рассматривавших дело Г. Дроздова, он по своему нравственному облику не имеет ни гражданского, ни морального права руководить творческим коллективом. Искусство — дело святое. Два судебных процесса тяжко отразились на судьбе театра. Сделали ли правильные выводы из этих грустных уроков коммунисты театра, работники обкома партии? Как они намерены возродить славу знаменитого некогда коллектива?

В. СМЕРНОВ,
наш спец. корр.
ЯРОСЛАВЛЬ.